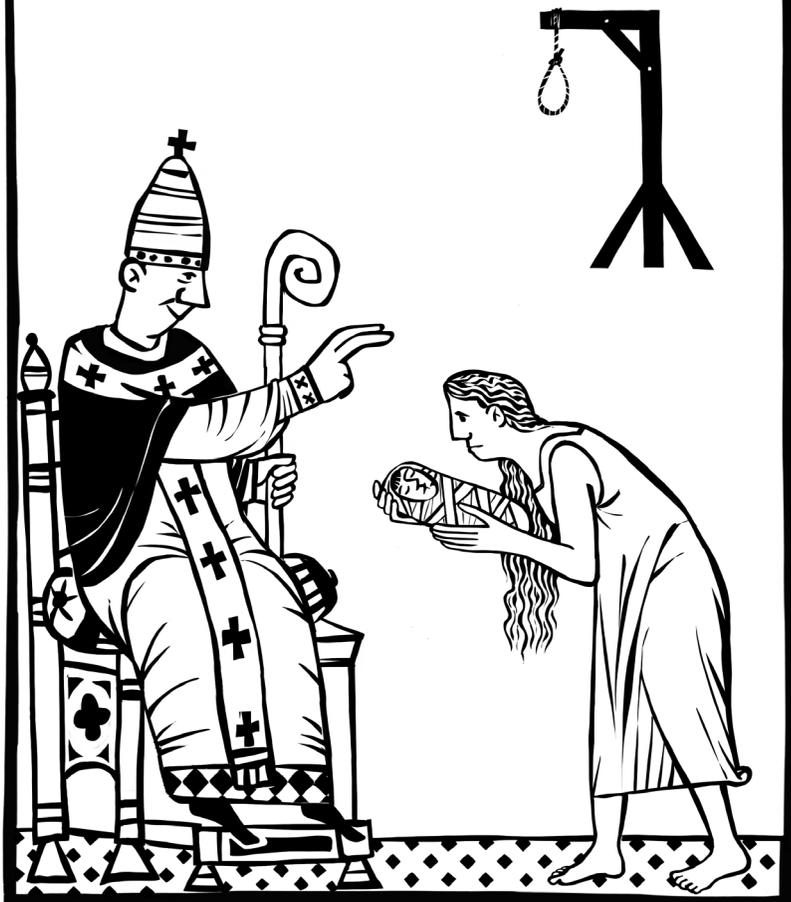

DE JUSTITIA, TEMPTATIONE
ET EARUM OCCURSU

VIII

О СПРАВЕДЛИВОСТИ, ИСКУШЕНИИ И ИХ ВСТРЕЧЕ

— Нет спасения, — сказал волко-медведь,
в возбуждении погони смеясь мне прямо в лицо.

Уэлс

1 Бертольф, пфальцграф Виттельсбахский, был суровый судья, так что воров казнил смертью за один украденный пфенниг. Из дому он не выходил, не повесив петлю на кушак: вдруг приведется кого казнить, так чтоб не тянуть с этим. И вот однажды утром он поднимается в прекрасном настроении, петельку, как обычно, за пояс заправляет, как вдруг некий голос из воздуха ему говорит: «Бертольф! кто тебе нынче первым встретится на выходе из города, повесь его на этой петле». Бертольф, конечно, принимает эти слова как должное — ведь голос из воздуха плохого не посоветует — и вот встречается ему сельский староста. Бертольф его знал, относился к нему с приятностью и оттого немного расстроился. «Жаль, говорит, что ты мне

попался». — «Отчего ж?» — «Да придется, брат, тебя повесить». — «За что?..» — «Не знаю, голос из воздуха велел; так что ты готовься покамест, исповедайся и распорядись напоследок по хозяйству». Тот, видя, что делать нечего: «Справедлив Господь! много народу забредало ко мне в дом, и никто не вышел; скольких я зарезал, сколько крови честных христиан пролил — это, — говорит, — уму непостижимо». Тут, конечно, вздернули раба Божия, а все присутствующие справедливо удивлялись, какими путями ходит небесное правосудие (*Caes. Dial. VI. 26*).

2 Одна женщина, воспаленная похотью, слубилась со своим сыном, зачала от него и родила другого сына. Ужаснувшись несказанному своему нечестию, всякую минуту боясь достаться сатане или умереть незапною смертью, она задумалась о покаянии. Посоветовавшись со священником, взяла свое малое дитя и отправилась в Рим. Там она добралась до папы Иннокентия и с такими слезами и воплями исповедала свой грех, держа на руках дитя, неложное свидетельство ее деяния, что всех слушателей изумила и ошеломила. Видя в ней столь глубокое раскаяние, папа, движимый состраданием, как опытный врач, пожелав исцелить ее болезнь быстро и в полной мере, и заодно и испытать лекарство раскаяния, велел, чтобы предстала ему в той

одежде, в какой шла грешить с сыном. Женщина вышла и скоро вернулась в одной сорочке, сим послушаньем показывая, что готова дать за свою вину любое удовлетворение. При зрелище сего смирения папа в присутствии всех сказал ей: «Отпускается грех твой; иди с миром», никакой на нее епитимьи более не наложив. Один из кардиналов начал роптать и осуждать таковую снисходительность. «Если я не по справедливости поступил с сею женою, — отвечал ему папа, — если недостаточно ее покаяние в очах Божиих: пусть дана будет дьяволу власть войти в тело мое и мучить меня пред всем собором; если же ты несправедливо меня порицаешь, пусть то же с тобою учинится». И тотчас дьявол начал ломать кардинала. Избавленный от беса общею молитвою, кардинал научился наперед не лаять на божественное милосердие (*Caes. Dial. II. 11*).

З Эркенбальд де Бурбон был великий ревнитель справедливости. Однажды, лежа в тяжелой болезни, он услышал в соседней комнате шум и женские крики. Никто не отважился сказать ему причину. Тогда он послал одного из слуг, пригрозив ослепить его, если не скажет правды. «Господин, — говорит он запинаясь, — молодой хозяин, ваш племянник, хотел изнасиловать женщину, из-за этого весь шум». Прогневленный Эркенбальд говорит воинам: «Идите и повесьте его».

С притворною покорностью те выходят из комнаты, говоря друг другу: «Если мы его вздернем, а господин наш (похоже на то) скоро помрет, нас казнят или прочь из этих краев выгонят». Они побеседовали с барчуком, были любезны и убедительны, уговорили его убраться с дядиных глаз, а сами через несколько часов вернулись к Эркенбальду с докладом об исполнении.

На пятый день молодому человеку сделалось скучно, и он, думая, что дядя простил или забыл его вину, выглянул в окошко. Больной его приметил и ласково позвал, приглашая сесть с собою рядом. Он сжал беспечному племяннику шею одной рукой, а другой вынул нож и вонзил ему в горло. Вопль скорби поднимается в доме, округу охватывает ужас. Между тем Эркенбальд, чувствуя, что недуг его усиливается, посылает за епископом, прося причастить его. Приходит епископ; Эркенбальд с обильными слезами исповедает свои грехи, умалчивая, однако же, об умерщвлении юноши. «Почему, — говорит епископ, весьма удивленный, — вы ни словом не обмолвитесь о том, что убили своего родича?» — «Разве это был грех?» — вопрошает Эркенбальд. «И еще какой!» — отвечает епископ. На это Эркенбальд: «Я же, — говорит, — это грехом не считаю и у Бога за него отпущения не прошу». — «Я вам, — говорит епископ, — Тела Господня не дам, пока вы не исповедаетесь в убийстве». — «Надобно вам знать, — отвечает Эркенбальд, — что

я убил его не по злопамятству и не по внушению гнева, но единственно из страха Божия и ревности к правде. Никто никогда не мог любить племянника сильней, чем я. Если вы мне откажете в Теле Господнем, я препоручу Ему тело мое и душу».

Едва епископ вышел за порог, больной зовет его: «Воротитесь, господин епископ, воротитесь и посмотрите, есть ли у вас в пиксиде Тело Христово». Епископ смотрит: пиксида его пуста. «Вот, — молвит больной, — в чем вы мне отказали, в том Он мне не отказал». И явилась гостия в устах его. Так исполнилось сказанное в Книге Премудрости: «Любите справедливость, судящие землю» и пр. Епископ, устрешенный, разгласил увиденное, и все прославили Господа, творящего такие чудеса (*Caes. Dial. IX. 38*).

4 Люттихский епископ был человек благочестивый и богобоязненный. Однажды, когда в пору Четыредесятницы он сидел один в своей капелле за чтением Псалтири, открылся ему стих: «Кто возмagoлет силы Господни, слышаны сотворит все хвалы Его?» (Пс. 105:2). Тут вошел кто-то из канцелярии с вопросом: «Владыка, что прикажешь насчет такого-то злоумышленника?» Подвигнутый жалостью, епископ отвечал: «Пощади его ради святой Четыредесятницы». Тот ушел, а епископ вновь обратился к Псалтири

и прочел следующий стих: «Блаженны хранящие суд и творящие правду во всякое время» (Пс. 105:3). Устрашенный этим, словно выслушав укоризну и наставление, он вновь призвал судью и сказал: «Разберите его дело тщательно и судите по справедливости». Тот был осужден и казнен (*Caes. Dial. III. 20*).

5 Один рыцарь исповедался священнику во множестве грехов. Тот наложил на него епитимью, которой рыцарь не выдержал, и так раз за разом. Наконец священник говорит: «Этак мы никуда не продвинемся. Есть хоть что-то, что ты в состоянии соблюсти?» Рыцарь: «О да! на моей земле растет яблонька с такими горькими и отвратными плодами, что я никак не могу их есть. Если вы рассудите за благо, предпишите мне в покаяние, чтоб я никогда не ел ее яблок». Священник: «Прекрасно, за все грехи твои я предписываю, чтобы ты никогда не ел от плода древа сего».

Ушел рыцарь, считая эту епитимью пустячной. Каждый раз, выходя со своего двора или входя к себе, он видел эту яблоню, и нечистый, набивший руку кормить людей яблоками, донимал его хуже некуда. В один прекрасный день рыцарь, разглядывая ее, ощутил такое неопишемое желание наестся этими плодами, что подошел к яблоне и, то протягивая руку, то отдергивая ее,

целый день мучился противоположными устремлениями, пока наконец от изнурения не упал под ней замертво (*Caes. Dial. IV. 77*).

6 Священник, исповедуя благочестивую девуцу, спрашивает, не грешила ли она тем-то и тем-то. Девуца впервые слышит о таких грехах, но в дальнейшем с трудом от них удерживается (*Caes. Dial. III. 47*).

7 Один монах в Оттерберге, жестоко искушаемый дьяволом, думал покинуть монастырь. Однажды ночью стоит он в хоре; все поют, он один размышляет, когда и как уйти из обители. Настает время петь из пророка Аввакума; между тем аббат обходит братию: видя, что тот не поет, и почитая его спящим, как закричит ему в ухо стих, который надлежало петь: «Изыдет диавол пред стопами его!» (*Авв. 3:5*). Тот вздрагивает, думая, что аббат чудесным образом раскрыл его помыслы, и оставляет мысль выйти отсюда с дьяволом в провожатых (*Caes. Dial. IV. 55*).

8 В одном женском монастыре жила девушка по имени Беатриса, прекрасная видом, благочестивая душою, усерднейшая в поклонении Богородице. Назначенная ризничей,

она ревностно отправляла свою должность. Некий клирик увидел ее, влюбился и начал искать ее любезности. Она гнушалась его речами, внушенными сладострастием, а он тем настойчивей ее осаждал, и наконец древний враг так воспламенил ее сердце, что она не могла более этого сносить. Приступив к алтарю блаженной Девы, она сказала: «Владычица, я служила Тебе как могла благоговейно, а ныне отдаю Тебе Твои ключи, не в силах дольше терпеть искушения плоти». И, положив ключи на алтарь, тайком ушла вслед за возлюбленным. Он совратил ее и через несколько дней оставил. Не имея жилья и стыдясь вернуться в монастырь, она сделалась блудницей. 15 лет провела она за этим промыслом и однажды пришла к воротам монастыря. «Знаешь ли, — спросила она у привратника, — Беатриса? когда-то она была здесь ризницей». — «Как не знать, — отвечает тот, — честная и святая жена; сыздетства и донныне обретается в этой обители беспорочно». Не разумея, что такое он ей сказал, Беатриса хотела уйти прочь, но тут Матерь милосердия, явившись ей, молвила так: «Пятнадцать лет, пока тебя не было, Я исполняла твою должность; ныне возвращайся на свое место и твори покаяние, ибо никто отсутствия твоего не заметил» (*Caes. Dial. VII. 34*).

DE VIRGIS DIE DOMINICA
DOLANDIS ET ALIIS TEMERE
FACTIS

IX

О СТРОГАНИИ ПАЛОК В ВОСКРЕСЕНЬЕ И ДРУГИХ ОПРОМЕТЧИВЫХ ПОСТУПКАХ

1 Однажды в воскресенье славный король Олаф, впоследствии мученик, подобрал с земли прутик и строгал его ножиком. В Норвегии на это смотрят строго. Один из окружавших его людей, видя, что король строгает в воскресенье, и не осмеливаясь сказать прямо, промолвил: «А завтра еще один праздник». Тут король опомнился, устыдился и, собрав стружки, протянул руку в огонь. Стружки сгорели, а рука осталась невредима (*Herb. Clar. De mir. III. 38*).

2 Были два друга. Когда одному пришла пора умирать, второй заклил его вернуться с того света и рассказать, каково ему там приходится. Тот выполняет клятву: однажды ночью

возвращается черною тенью и сообщает, что он в аду, потому что хоть и исповедался и причастился свв. даров перед смертью, но против желания. Его жестокосердый товарищ допытывается, видал ли он на том свете Вергилия. «Да вот как тебя, — отвечает ему покойник, — мы с ним вместе мучимся: он за свои басни, а я — за то, что любил их больше всего на свете». Товарищ, ухватившись за такое удачное обстоятельство (бывают люди нечуткие), велит спросить у Вергилия, что он имел в виду в таких-то двух стихах, и вернуться с ответом. Покойник соглашается, но перед уходом, чтобы дать живому отвесть своих тягот, пальцем наносит ему на лоб капельку своего пота. Через несколько дней он приходит вновь, чтобы передать, что Вергилий сказал ему: «Дурак ты, и вопросы у тебя дурацкие» (*stultus es et stulta quaestio tua*), но спрашивавшему это уже не очень важно: от одной капли адского пота, проникшей в его состав, как раскаленное железо в масло, он мучится ежеминутной мукой, извел все деньги на врачей и остается неизлеченным. Потом, конечно, он исцелился святой водой и отрекся от мирских забав, а мораль такая, что чтение и комментирование Вергилия никого еще до добра не доводило (Leclercq 1958)*.

* Анонимный текст, изданный по рукописи из цистерцианского аббатства Оне (Aulne) в Бельгии.

3 Один человек вступил в цистерцианский монастырь. Его братья, узнав об этом, пришли

в обитель, нашли новиция, уговаривали его вернуться, представляя ему суровость монашеского правила, надобность уладить мирские дела — и успели в своем намерении: забрали его из обители, обещав, что он вернется. Аббат сказал им: «Ныне вы исторгли брата вашего из рая и водворили в преисподней». Он вернулся в мир и принялся не столько исполнять свою должность, сколько утолять порочность. Через несколько лет разбила его болезнь, перешедшая в безумие; увещевали его исповедаться и причаститься, но он слов не понимал, а только звал, громко крича, женщин, с которыми грешил в прежние времена. Раскромсав щенков, теплым мясом обкладывали ему голову, но и это не помогло (*Caes. Dial. I. 14*).

4 В нашем краю, говорит Цезарий, у женщин есть обыкновение избирать себе апостола по жребию. На двенадцати свечах пишут имена апостолов, по одному на каждой, благословляют свечи у священника и кладут все вместе на алтарь. Засим подходят по одной, чтобы вытянуть свечу, и которого апостола имя на ней обнаружится, тот делается для женщины предметом особого почитания и благоговения.

Одна женщина, вытянув апостола Андрея, осталась сим недовольна и, положив свечу обратно, захотела другого. Снова вынулся ей Андрей; она, однако ж, упорствовала, пока не достался